

Особенности употребления нумератива *пять* в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков)

Михаил А. Бредис, Наталья В. Новоспасская

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В работе рассматриваются тувинские фразеологизмы и фольклорные тексты с числом *пять*, полученные методом сплошной выборки из словарей и сборников фольклорных произведений. *Пять* как компонент числового кода тувинской культуры анализируется и сопоставляется с этим нумеративом в хакасском, алтайском, монгольском, калмыцком и бурятском языках. В работе применялись методы лингвокультурологического и описательно-аналитического анализа.

Установлено, что частотность употребления компонента-нумератива *пять* и сила его символики в тувинской фразеологии и фольклоре значительно уступают символике числа *пять* в монгольских языках. То же самое относится и к числу *пять* у тюркских народов Саяно-Алтая (хакасов и алтайцев).

В тувинской фразеологии число *беш*, не являясь сакральным и не обладая мощной силой символики, все же играет определенную роль, символизируя большое количество или длительные временные отрезки. Кроме того, нумератив связан с древнейшим образом пяти пальцев, о чем свидетельствуют общице тюрко-монгольские поговорки с этим образом.

Отмечено влияние монгольской культуры на тувинскую, чем объясняется сходство символики числа *пять*, которое можно обосновать родством тюркских и монгольских языков в рамках алтайской макросемьи языков, а также длительностью общей истории и лингвокультурным трансфером.

Ключевые слова: числовой код; фразеологизм; поговорка; тувинский язык; фольклор; культурный трансфер; символика чисел; героический эпос; народные сказки

Для цитирования:

Бредис М. А., Новоспасская Н. В. Особенности употребления нумератива *пять* в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. 2023, № 3. С. 36-50. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.3>

Бредис Михаил Алексеевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: bredis-ma@rudn.ru

Новоспасская Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: novospasskaya-nv@rudn.ru

BREDIS, Mikhail Alekseevich, Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: bredis-ma@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0003-4885-952X

NOVOSPASSKAYA, Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0001-7599-0246

Features of the use of the numeral *five* in Tuvan linguoculture (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages)

Mikhail A. Bredis, Natalia V. Novospasskaya
Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation

The article examines Tuvan phraseological units and folklore texts that comprise the number of five. These examples were selected by continuous sampling from dictionaries and collections of folklore works. Five as a component of the numerical code of Tuvan culture is analyzed and compared to this numeral in the Khakas, Altai, Mongolian, Kalmyk and Buryat languages. In this work, we used a set of linguoculturological, descriptive and analytical methods.

It has been found out that the frequency of use of the component and numeral "five" and the strength of its symbolism in Tuvan phraseology and folklore are significantly inferior to those of the number of five in the Mongolian languages. The same applies to the number of five among the Turkic peoples living in the Sayano-Altai region (the Khakas and Altaians).

In Tuvan phraseology, the number of besh, not being sacred and having no significant power of symbolism, still plays a certain role. It symbolizes a large number or long time periods. In addition, the numeral is associated with the oldest image of the five fingers, as evidenced by the common Turkic and Mongolian paroemias with this image.

The authors note the influence of the Mongolian culture on the Tuvan one. This explains the similarity of the symbolism of the number of five, which can be proved by the kinship of the Turkic and Mongolian languages within the Altai macrofamily of languages, as well as the length of the common history and linguistic and cultural transfer.

Keywords: numerical code; phraseological unit; paroemia; Tuvan language; folklore; cultural transfer; symbolism of numbers; heroic epic; folk tales

For citation:

Bredis M. A. and Novospasskaya N. V. Osobennosti upotrebleniia numerativa *piat'* v tuvinskoi lingvokul'ture (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov) [Features of the use of the numeral *five* in Tuvan linguoculture (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages)]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 3, pp. 36-50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.3>

Введение

Кодами культуры в понимании М. Л. Ковшовой, которое мы разделяем, являются вторичные знаковые системы, использующие различные средства для кодирования одного и того же культурного содержания, соединяющегося в картине мира того или иного социума (Ковшова, 2012: 170). Числовой код культуры составляют числительные и слова, которые обозначают количество. Оценка по количественным параметрам является первоначальным уровнем иерархии оценивания (Бочина, 2023: 82). Числа играют большую роль в лингвокультуре, поскольку обладают культурными смыслами, приобретают символическую семантику, которая уходит своими корнями «в древние толщи магических осмыслений Числа» (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2021: 204). Эта символическая семантика привлекает исследователей фольклора и фразеологии. Числовой код в тюркских языках можно считать универсальным, поскольку в его основе лежат общетюркские числительные.

В тувинском фольклоре нумеративы как часть числового кода культуры изучены пока недостаточно полно. Говоря о тувинских паремиях как части фразеологии, необходимо отметить, что знание лингвокультурного своеобразия паремий позволяет обеспечить их правильную интерпретацию как

знаков культуры. Новейшие сопоставительные исследования тувинской фразеологии на фоне разных языков говорят о важности выявления прежде всего общего для разных лингвокультур, что позволяет с учетом этого общего описывать специфику паремий (Бредис и др., 2021; Бредис, Иванов, 2022b; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022; Ломакина, 2022; Москвичева, Александрова, Эбзеева, 2022; Нелюбова, 2022; Петрушевская, 2022ab, 2023).

Цель статьи — рассмотрение и сопоставительный анализ символики числа *пять* во фразеологии разных разрядов и фольклорных текстах в тувинском языке (на фоне ряда тюркских и монгольских языков), а также выявление особенностей употребления этого нумератива. В числе фольклорных текстов мы рассматривали героический эпос, богатырские и другие народные сказки. Число *пять* было выбрано потому, что оно как компонент фразеологии и фольклорных текстов ранее практически не рассматривалось в известной нам научной литературе. Ставилась задача — выявить роль и место данного нумератива в числовом коде тувинской лингвокультуры.

Методологической базой для исследования послужили научные работы, в которых рассматривается символика чисел в фразеологии и фольклоре (Бредис, 2023; Гармаева, 2008¹; Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2020; Каратаева, 2020; Бредис и др., 2022), новейшие работы по теории паремиологии как самостоятельного направления в языкознании (Паремиология в дискурсе, 2015; Паремология без границ, 2020; Паремология на перекрестках ... , 2021), по теории семантического описания паремий (Иванов, 2022ab), по теории лингвокультурного сопоставления паремий (Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Бредис, Иванов, 2021, 2022a; Иванов, 2023; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021). Авторы использовали в работе описательный метод с элементами лингвокультурологического и историко-этимологического анализа.

Источниковой базой исследования послужила авторская картотека, включающая тувинские (16), хакасские (7), алтайские (17), монгольские (35), бурятские (104), калмыцкие (116) ФЕ и примеры фольклорных текстов с нумеративом *пять* (295 единиц).

Материал получен методом сплошной выборки из авторитетных фразеологических и паремологических словарей и сборников фольклорных текстов² рассматриваемых тувинского, хакасского, алтайского, монгольского, бурятского и калмыцкого языков, а также ряда монографий и статей, содержащих аутентичные фольклорные тексты.

¹ См. также: Гармаева А. Э. Числовая символика в монгольских языках : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2009. 25 с.

² Абай Гэсэр-Хубун : Эпопея : (Эхирит. булагат. вариант) / записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имененова; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хоконова ; вступ. ст. А. Уланова. Улан-Удэ, 1961–1964; Алтайские пословицы и поговорки = Алтай кеп ле укаа сөстөр / сост. Н. Р. Ойноткинова. Новосибирск, 2010; Бальбурава Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020; Би «Жаңһр» дасчанав = Я изучаю «Джангар»: Калмыцко-русский словарь = Хальмг-орс толь / Б. Х. Тодаева; дааврта ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элст: Герл, 2009; Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: в 4-х т. : около 70 000 слов / [Ё. Баярсайхан и др.]; под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.06.2023); Калмыцко-русский словарь : 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977; Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020; Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: Джангар, 2007; Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука; Сибирское издательско-полиграфическое книготорговое предприятие РАН, 1997. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 12); Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск : Наука ; Сибирская издательская фирма, 1994. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока); Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкиноиздат, 1966; Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968; Хыйга сös: сиспектер, сösпектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное изд-во им. В. М. Торосова, 2021; Цыденжапов Ш. Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. Улан-Удэ, 1992.

Символика числа пять у тюркских и монгольских народов

Нумератив *пять* не относится к имеющим особую сильную символику в тюркских языках, как бы выпадая из магического ряда тюркских нумеративов 3, 4, 7, 8, 9, в который входят также числа 12 и 40 (Сравнительно-историческая грамматика ..., 2001: 580). Исследователи числового кода в тувинском фольклоре и паремиях, видимо, по причине отсутствия сакральности числа *пять*, как правило, обходят это число своим вниманием. При этом в некоторых тюркских языках число *пять* относится к магии времени, подобно сильным числам *три* и *семь*. Так, в киргизском эпосе «Манас», например, в одном фрагменте упоминаются семилетняя кобыла и две пятилетние кобылы (*беш жылдыктан эки бээ*) (Каратаева, 2020: 95).

В тувинской лингвокультуре по силе символики число *беш* несравнимо с числом *тос* 'девять', которое, пожалуй, является у тувинцев наиболее могущественным (см.: Кенин-Лопсан, 2021; Бредис, 2023).

Тем не менее число *беш* имеет в тувинской лингвокультуре свою символику, если не сакральную, то повседневную, практическую, связанную с традиционной кочевой культурой. В разных источниках и местностях тувинцы часто выделяют семь или девять видов скота (Бредис, 2023: 233), но также говорят и о пяти видах скота. Цэнгэльские тувинцы, живущие в Монголии, выделяют пять видов домашнего скота: 1) *аът* 'лошадь'; 2) *теве* 'верблюд'; 3) *инек* 'корова'; 4) *хой* 'овца' и 5) *өшкү* 'коза'. Як (*сарлык*) и корова (*инек*) у них относятся к одному виду крупного рогатого скота¹. Нумератив *беш* выступает здесь как необходимое и достаточное количество, символизируя хороший достаток семьи.

Для соседних с тувинцами монгольских народов характерно выделение именно пяти видов домашнего скота: монг. *таван хошуу мал*; бурятск. *табан хушуу мал* 'пять видов скота', к которому причисляются крупный рогатый скот, лошади, верблюды, овцы и козы. При этом, в отличие от монголов и бурят, калмыки традиционно насчитывали четыре вида скота, поскольку козы не включались в общий список домашнего скота (Бакаева, 2009: 120).

Число *беш* у тувинцев также связано с важным временным отрезком в начале жизни человека. В традиционной народной культуре, когда ребенку исполнялось пять лет, начинался новый этап — взрослые вовлекали его в обучение повседневному труду. Мальчику в пять лет отец дарил маленький аркан, которым тот учился ловить резвых козлят и телят. Девочке мама дарила ведро или бадейку, чтобы она училась доить козу. Пятилетним детям тувинцы давали поручения, посылали к соседям, просили следить за животными на пастбище (Кенин-Лопсан, 2021: 176).

В тувинской традиционной семье хорошим считалось иметь пять сыновей. В исследовании М. Б. Кенин-Лопсана о тувинской культуре в ответ на вопрос «Что такое пять?» приводится следующая фраза: «Если родить пять мальчиков и научить их пяти знаниям, то это хорошо» (там же: 79).

Тувинцы, как монголы, буряты и калмыки, исповедуют буддизм. Упоминание в монографии М. Б. Кенин-Лопсана пяти знаний (наук) для тувинских мальчиков, по-видимому, связано с буддизмом, в котором существует понятие о пяти науках. В буддизме вообще довольно распространены пятичленные структуры, такие как пять чакр, пять татхагат, пять элементов мироздания, а корона из пяти черепов является атрибутом всех устрашающих божеств буддизма. Каждый из пяти черепов ассоциируется с пятью сторонами света (север, восток, юг, запад, центр) и пятью органами чувств (Жуковская, 2002: 175).

У монгольских народов пятичленные множества очень распространены. Летописное название монгольской империи — *таван өнгө дөрвөн харь улс* 'народ пяти цветов и четырех чужих племен'. В состав этой империи входили монголы, китайцы, маньчжуры, туркестанские народы и корейцы². Кто такие чужие народы, не очень понятно, и объяснения на этот счет в средневековых хрониках весьма своеобразны: это люди с глазом в груди, народ с песьей головой и т. п. (там же: 173). В монгольской лингвокультуре можно найти десятки наборов, включающих пять разных предметов или явлений,

¹ Бадарч Б. Лексика животноводства в цэнгэльском диалекте тувинского языка (в сравнительно-сопоставительном аспекте) : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Новосибирск, 2009. С. 6.

² Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: в 4-х т.: около 70 000 слов / под общ. ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

например: *таван саваагуй* ‘пять любопытных’ — набор из гигиенических предметов, в который входят зубочистка, щипчики для выдергивания волос, ухвертка, ногтечистка и расческа; *таван тариа* ‘пять видов зерна’ (рис, просо, ячмень, пшеница, соевые бобы); *таван тэрэг* ‘пять телег’ — название пяти звезд в созвездии Возничего; *таван амт* ‘пять вкусов’ — сладкий, кислый, горький, острый, соленый; *таван ашид* ‘пять вечных добродетелей’ — любовь или благорасположение, правота, умеренность, благоразумие и честность¹. Этот список можно долго продолжать. Как известно, тувинская культура в течение своей истории испытала немалое влияние монгольской культуры, что, наряду с влиянием буддизма, объясняет бытование в ней определенной символики, связанной с нумеративом *пять*.

В тувинской топонимике мы также видим число *беш*, которое может отражать точное количество географических объектов или передает символическое значение *несколько* или *много*. Например, местность *Беш-Даг* ‘Пять гор’ имеет именно пять гор (подобный топоним есть и в хакасском языке — *Пес таг*), *Беш-Кожагар* ‘Пять пиков’ — это горное образование с пятью острыми вершинами (Кара-оол, 2019: 695). В метафорическом значении число *беш* встречается в тувинском топониме *Беш-Кара-Дыт* ‘Пять черных лиственниц’. Так называются местность, урочище и стоянка в Эрзинском кожууне Тувы, поскольку там растут лиственницы. На Алтае есть гора и населенный пункт с подобным названием *Беш-Тыт* ‘Пять лиственниц’ (там же: 696). *Беш-Белдир* ‘Пять перекрестков’ — местность в Овюрском кожууне (там же: 698).

Нумератив беш в тувинском фольклоре

В произведениях тувинского фольклора и сказках число *беш* ‘пять’ встречается редко, однако также имеет определенную символику. В героическом эпосе число *пять* выступает как оптимальное количество сыновей в семье. Так, в сказании «Алдаай-Буучу» фигурируют пять братьев, сыновья Алдаай-Буучу (Гребнев, 1960: 19). В эпосе о Кангывай-Мергене он сам и его побратимы называются *эрес-эрлик беш эр* ‘пятеро храбрых героев’ (там же: 47).

Кроме того, число *беш* используется в эпосе для отражения количества географических объектов, выступая в значении *много*. Так, в сказании о Кангывай-Мергене это число демонстрирует богатство и могущество героя, владеющего пятью горами *танды*, поросшими тайгой: Артыштыг-Танды, Арзайты-Танды, Деспейти-Танды, Берт-Кара-Танды и Ыдык-Бора-Танды (там же: 103).

Чаще, чем число *пять*, в тувинском героическом эпосе встречаются производные от него — *пятьдесят*, *сто пятьдесят*, *триста пятьдесят*, *пятьсот пятьдесят* и др. Стоит отметить, что *пятьдесят* (древнетюркск. *elig*) во многих древних тюркских источниках обозначает отряд из пятидесяти воинов (Сравнительно-историческая грамматика ... , 2001: 573). В тувинском эпосе также описываются боевые дружины героев и их противников, в том числе состоящие из пятидесяти воинов. По-тувински число *пятьдесят* обозначается словом *бежен*. В сказании «Тана-Херель» в записи Л. В. Гребнева герой, отправленный Шан-ханом к Узун-Сарыг-хану, едет в сопровождении двух бегов, которые возглавляют дружины в пятьдесят и сорок воинов, а в сказании «Алдай-Буучу» Узун-Сарыг-хан дает своему зятю в путешествие сто пятьдесят «самых сильных людей», которые должны обслуживать его в пути (Гребнев, 1960: 118, 115).

Также число *беш* символизирует в тувинском эпосе очень большое количество, как правило, в сочетании с другими, сакральными, числами, такими как *тос* ‘девять’. Так, в сказании «Алдай-Буучу» описывается встреча героя с большим войском: *чаа деп чүве тос беш куржалган...* ‘война опоясала в девять на пять рядов...’, а в сказании «Мёге Шагаан-Тоолай» при описании нападения вражеского войска на аал используется та же числовая метафора ‘Война уже девять на пять раз опоясала’ (там же: 118), в которой *пять* умножается на магическое число *девять*, что символизирует очень крупное войско.

В тувинских народных сказках число *беш* связано с определенными отрезками времени. Так, в богатырской сказке «Хайындырынмай Багай-оол» грозный Сарыг-хан говорит:

¹ Там же.

<p><i>Беш векте (үеде) дошкун сарыг ширээ дээш өлеңде Өледей ашак-биле сүржүп келген болгай мен.</i></p>	<p><i>Пять веков я гонялся за старым Өледеем-в-осоке из-за грозного желтого трона¹.</i></p>
--	--

Здесь число *беш* символизирует сказочно большой отрезок времени. Также нумератив *беш* метафорически используется для выражения примерного количества, причем иногда в сочетании с числительным *алды* ‘шесть’. Вокруг аала подданные хана собрались, плотно окружив его, *алды-беш куржалып чыглып-даа турза* ‘в шесть-пять рядов его опоясав’².

Иногда число *пять* используется для называния точного количества. Так, созвездие Давың-хаан в сказках представляется как божество, состоящее из пяти звезд: *Давың-хаан деп чүве болза, үстүү оранда беш сылдыс, эр кижиниң чүдээни-дир* ‘Тот, кого Давын-ханом зовут, — это же пятизвездие Верхнего мира, святыня мужчин’³.

В алтайской мифологии число *беш* ‘пять’ связано с количеством пальцев на руках и ногах. При этом *беш* символизирует полноту, подчеркивает необычность образов. Нечто в количестве пяти является атрибутом персонажей мифологии. Так, в алтайском шаманском тексте ведьма в аду изображается с пятью козами: *Кара төнөш белге јер. Ары јанында беш эчкилү эмеген* ‘Черный пень — место гадания, / Позади него старуха с пятью козами’ (Ойноткинова, 2021: 292). Алтайское божество подземного мира Пий-Маатыр, от которого зависело увеличение поголовья скота и удои, изображается с пятью локтями: *Таш пілектү Бий Маатыр! / Пеш пілектү Пий Маатыр* ‘С каменными локтевыми костями Бий Маатыр! / С пятью локтями Пий Маатыр!’ (там же: 292).

В алтайском сказании о сотворении земли Кудаи, создав первое дерево с девятью ветвями, запретил людям есть плоды с пяти его ветвей: *Күн чыгаткан јанында пеш пудак пар* ‘Со стороны восхода солнца пять ветвей есть’⁴. Кудаи говорит змею и собаке: *Күн чыгар јанында пеш пудактагы ашты јийин теген кижини јут!* ‘Человека, который захочет поесть плодов с пяти ветвей этого дерева со стороны восхода солнца, проглотите!’⁵. Вероятно, речь идет о некоем мировом перводереве, и нумератив *пеш* ‘пять’ также имеет свою символику, которую сейчас сложно разгадать.

В произведениях хакасского эпоса по частотности употребления на первом месте находится число *үс* ‘три’. За ним следуют *алты* ‘шесть’, *читі* ‘семь’, *тогыс* ‘девять’. Менее употребительны *ікі* ‘два’, *төрт* ‘четыре’ и *сигіс* ‘восемь’ (Субракова, 2005: 100). По свидетельству О. В. Субраковой, число *пис* ‘пять’ почти не встречается в хакасском эпосе (там же). При этом в хакасском фольклоре, как и в тувинском, встречается число *иліг* ‘пятьдесят’, кратное пяти, но часто в сочетании с более частотным числом *алтон* ‘шестьдесят’: *Алтон сермезі ариаа чайылиан, иліг сермезі иунін пасхан* ‘Шестьдесят косичек по спине рассыпались, пятьдесят косичек на плечи упали’ (Абумова, 2013: 6). Эти нумеративы традиционно используются в фольклорном описании большого множества косичек у хакасских красавиц.

Гораздо более частотным является употребление числа *пять* (монг. *таван*, бурятск. *табан*, калмыцк. *тавн*) и чисел, кратных пяти, в фольклоре монгольских народов. Так, в бурятском эпосе «Гэсэр» число *табан* символизирует большой промежуток времени. Жаркое сражение в эпосе продолжается пять суток: *Табан суудхэ дайлалсаба* ‘Пять суток сражались’⁶. Число *пять* не только символизирует долгий срок, но и временной предел, после которого следуют какие-либо действия: *Эсэгээз табан елдэ угээ болсони / Орхибо байналби* ‘Вот прошло уж пять лет, / А отца-то все нет’⁷. Пять лет — предел, после которого начинаются поиски. Ошор Богдо, жалуясь на то, что его отец постоянно пьян, говорит о нем:

¹ Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма, 1994. С. 118, 120, 121.

² Там же. С. 122–123.

³ Там же. С. 200–201.

⁴ Несказочная проза алтайцев / сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. С. 52–53.

⁵ Там же.

⁶ Абай Гэсэр-Хубун : Эпопея : (Эхирит. булагат. вариант) / Часть 1. Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова ; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; вступ. ст. А. Уланова. Улан-Удэ, 1961. С. 77.

⁷ Там же. С. 135.

<p><i>Баабай манай гэнэлби Үдөр-шье ногтуулдаа! Табан сүүдхэ болсоро Сэлмээл болоо-хадан Баабайдаа хүүрээ бихэн Хэлэлсэхэ байналби!</i></p>	<p><i>Отец мой и днем, и ночью пьян! Если через пять суток отрезвится, то с ним я мог бы поговорить!¹</i></p>
--	---

В эпосе «Гэсэр» неоднократно встречается формула-пожелание героев быть друзьями на долгие годы, выражаемая числами *десять* и *пять*:

<p><i>Арбан-ханай елдэ Анда-ханай болохолди, Табан сэгээн елдэл Танил-ханайн орохолди...</i></p>	<p><i>На десять лет андой мы будем, На пять полных лет знакомство будем иметь!²</i></p>
---	---

По-бурятски *анда* означает очень близкого друга, побратима. Это эпическое пожелание *Арбан елээ анда. Табан елээ танил* 'Лет на десять друзья. Лет на пять мы приятели с вами'³ сделалось бурятской пословицей, которая вошла в словарь бурятских пословиц в следующем написании: *Арбан елэй анда, табан елэй танил*⁴.

В калмыцком эпосе «Джангар» нумератив *тавн* 'пять' упоминается 91 раз⁵. Число *пять* в тексте символизирует понятие *много*: *Тавн бээрин ам эвдгсн* 'Разрушил (он) ворота пяти крепостей'⁶; счастливый народ страны Бумбы занимает огромное пространство в пять месяцев пути (*тавн сара hazрт*); золотой дворец Торлок украшен пятью башнями; необыкновенный Кроваво-Черный Штык имеет пять сажень в длину (*тавн алд ут*) (Пюрбеев, 2015: 59, 63, 67). Помимо этого, *тавн* используется без создания гипербола, называя точное количество: у искусного лучника Хабтын-Энге, который славится меткостью, имеется «пять белых оперенных стрел» (Бурькин, 2004: 111); чужеземный богатырь Нарин Улан требует у Джангара отдать пять его сокровищ: коня Аранзала Зэрдэ, ханшу Ага Шавдал, красавца Мингияна, коня богатыря Санала — Бурул Галзана и могучего Улан Хонгора (Пюрбеев, 2015: 99).

Упоминаются в калмыцком эпосе, образуя яркие гиперболы, и большие числа, кратные пяти. Так, например, конюший Балин-Улан-Арслап «через пятьдесят пять коней закинул аркан» (Бурькин, 2004: 113). Здесь число *пятьдесят пять* представляет собой как бы гиперболу в кубе: оно говорит и о необыкновенной длине аркана, недюжинной силе и мастерстве конюшего, а также о богатстве хозяина столь большого табуна (там же).

Нетрудно заметить, что число *пять* в фольклоре тюркских народов (в тувинском, алтайском и хакасском эпосе) по частотности употребления и силе символики значительно уступает числу *пять* монгольских народов, по выражению Н. Л. Жуковской культурным «пентадам монгольского мира» (Жуковская, 2002: 173). Тем не менее, оно играет определенную роль в тувинском фольклоре, характеризуя его персонажей, время и пространство.

¹ Абай Гэсэр-Хубун : Эпопея : (Эхирит. булагат. вариант) / Часть 2. Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншуга Имегенова ; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; вступ. ст. А. Уланова. Улан-Удэ, 1964. С. 72.

² Абай Гэсэр-Хубун : Эпопея : (Эхирит. булагат. вариант) / Часть 1. Записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншуга Имегенова ; подгот. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова; вступ. ст. А. Уланова. Улан-Удэ, 1961. С. 116.

³ Там же. С. 112.

⁴ Бальбурова Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 30.

⁵ Би «Жаңһр» дасчанав = Я изучаю «Джангар»: Калмыцко-русский словарь = Хальмг-орс толь / Б. Х. Тодаева; дааврта ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элст: Герл, 2009. С. 242.

⁶ Там же.

Пять в тувинской фразеологии

В тувинской фразеологии число *беш* встречается нечасто и связано прежде всего с пятью пальцами человеческой руки. Фразеологическая единица (ФЕ) *Бодунуң беш салаазы дег билир* 'Знать как свои пять пальцев'¹, имеет значение 'очень хорошо, во всех подробностях знать'. В хакасском языке встречается аналогичная ФЕ: *Пис салаа чили нилерге* 'Знать, как свои пять пальцев'².

Полный аналог этой ФЕ существует в монгольском языке: *Таван хуруу шигээ мэдэх* 'Знать как свои пять пальцев'³. Интересно, что у монголов слово *тав(ан)* 'пять' восходит к той же основе, что и слово *тавхай* 'лапа' (Жуковская, 2002: 175). Аналогичная ФЕ имеется и в калмыцком языке: *Эврэннь хариннь тавн хурһн мет медх* 'Знать как свои пять пальцев'⁴.

Как уже отмечалось выше, в монгольских языках имеется большое количество устойчивых сочетаний, обозначающих множества, состоящие из пяти элементов. В монгольских ФЕ число *пять* «символизирует постоянство, неизменность, определенность, мощь...» (Тагарова, 2011: 114). В «Бурятско-русском фразеологическом словаре» выражение *табан хушуу мал* приводится как ФЕ: *табан хушуу мал* 'пять видов домашних животных' (букв. 'пять, рыло, скот')⁵.

В бурятской фразеологии есть определенное количество ФЕ, в которых числительное *пять* символизирует понятие *много* и часто сочетается со словом *олон* 'много': *олон таба юумэ* 'с пятого на десятое' (букв. 'много, пять, вещь'); *олон табые* 'всякая всячина' (букв. 'много, пять'); *олон табые тойруулха* 'ходить вокруг да около' (букв. 'много, пять, обходить'); *олон табые тоолохо* 'разглагольствовать' (букв. 'много, пять, считать'); *олон табые хэлэхэ* 'много говорить, разглагольствовать' (букв. 'много, пять, говорить')⁶. В калмыцком языке также присутствуют подобные по структуре ФЕ, например, *олн тавн үг келх* 'разглагольствовать, говорить излишне много'⁷ (букв. 'много, пять, слово, говорить').

У цэнгальских тувинцев зафиксирована поговорка *И пять пальцев все не равные*⁸. Эта тувинская поговорка аналогична по семантике и образности общетюркской поговорке *Beş parmak bir değil* (букв. 'Пять пальцев — не один'), смысл которой состоит в том, что все люди разные. В словаре общих поговорок тюркского мира О. Чобаноглу аналогичная турецкая поговорка приводится на 32 тюркских языках. В их числе алтайская и хакасская поговорки: алт. *Beş sabar, beş başka*; хакас. *Pis salaa daa aymah poladır*⁹. Все они отмечают, что пальцы разные и не равны друг другу. Пять пальцев одной руки символизируют человеческую общность, связанную кровными узами, семью, члены которой неодинаковы.

Эта поговорка о пяти пальцах выходит за рамки только тюркской общности, поскольку в монгольской лингвокультуре существует аналогичная поговорка: *Таван хуруу тэгшгүй* 'Пять пальцев — и все (неодинаковые) разные'¹⁰. Аналогична и калмыцкая поговорка: *Харин тавн хурһн эдл болдг уга* 'И пять пальцев рук неодинаковы'¹¹. Бурятская поговорка также имеет сходную семантику: бурят. *Гарай табан*

¹ Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 259.

² Хыйга сös: сиспектер, сösпектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские поговорки, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное изд-во им. В. М. Торосова, 2021. С. 26.

³ Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : в 4-х т.: около 70 000 слов / Ин-т яз. и лит. Акад. наук Монголии, Ин-т языкознания РАН; [Ё. Баярсайхан и др.]; под общ. ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002. 2198 с. [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

⁴ Калмыцко-русский словарь : 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 471.

⁵ Цыденжапов Ш. Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. Улан-Удэ, 1992. С. 73.

⁶ Там же. С. 65.

⁷ Калмыцко-русский словарь : 26 000 слов / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 395.

⁸ Пер. В. С. Салчака. См.: Подношение в серебряной чаше : сборник фольклорных и литературных произведений тувинцев Цэнгэла (Монголия). Новосибирск: Наука; НГОПО Союза писателей России, 2018. С. 133.

⁹ Çobanoğlu Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara: AKM Yayınları, 2004. P. 141–142.

¹⁰ Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : в 4-х т.: около 70 000 слов / Ин-т яз. и лит. Акад. наук Монголии, Ин-т языкознания РАН; [Ё. Баярсайхан и др.]; под общ. ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002 [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

¹¹ Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007. С. 307.

хурган адли бэшэ, түрэл зон адли бэшэ 'Как пять пальцев руки различаются, так и выходцы из одной семьи не все одинаковы'¹. В пословице уточняется образ пяти пальцев, которые сравниваются не просто с людьми, а именно с родственниками (*түрэл зон*). Таким образом, можно говорить об этой пословице как общей для тюркско-монгольского мира. Образ пяти пальцев используется и в калмыцкой паремии о том, что нельзя получить все и сразу: *Тавн хурхан нег хамт / Амндан кеж багтах уга* 'Пять пальцев нельзя / Разом засунуть в рот'².

В тувинских пословицах число *беш* ассоциируется с понятием *много*: *Бег кижиниң сөзү беш, / Хаан кижиниң сөзү каш* 'У бега пять обещаний, / У хана и того больше'³ (букв. 'У бега слов пять, / У хана слов много'). Также нумератив *беш* 'пять' в сочетании с *алды* 'шесть' в пословице представляет собой гиперболу, символизирующую большое количество: *Алды аргалыг, / Беш мегелиг* 'У человека шесть мудростей, / Пять хитростей'⁴. Это говорится об очень хитром человеке. Буквально фразу можно перевести как 'обладающий шестью приемами, пятью обманами'. Т. е. в арсенале такого пройдохи много хитростей и обманов. Полный аналог этой тувинской пословицы в калмыцком языке напоминает о тюркско-монгольской языковой общности: *Зурхан арһ меддг, / Тавн мек меддг* 'Знающий шесть приемов, / Пять хитростей'⁵. Этой паремией калмыки характеризуют пройдоху и ловкача.

В хакасской пословице говорится о частой смене настроений маленького ребенка: *Лизик палазы нис хубулцаң* 'Грудной ребенок пять раз меняется'⁶. Число *пять* здесь указывает на частоту изменений.

В алтайском паремиологическом фонде существуют пословицы, в которых, подобно тувинской, в качестве образа выступает число *пять* в сочетании с другими близкими числами — *шесть* или *четыре*. Например: *Аргалу алты конор, / Мекелү беш конор* 'Богатый шесть [суток] проживет, / Хитрый пять [суток] проживет' (Ойноткинова, 2012: 116). Тут сравнивается богатство и хитрость. Они близки, как числа *пять* и *шесть*, но все же предпочтение отдается богатству: богатый проживет дольше, чем хитрый. Ведь *шесть* все-таки больше, чем *пять*.

Есть пример алтайской пословицы, где *пять* выступает в сравнении с числом *четыре*: *Төгүнле төрт тө конбос, / Мекеле беш те конбос* 'Ложью и четверо [суток] не прожить, / Хитростью и пятеро [суток] не прожить'⁷. Здесь число *беш* 'пять' выступает в значении мало, но при этом все же это больше, чем *төрт* (четыре).

В алтайском языке есть пословица, в которой число *пять* выступает символом «кулака» — небольшого, но сильного коллектива: *Беш карындаш бирлик болзо, / Бежен черүге јендиртпес* 'Если пятеро братьев едины будут — / То пятидесяти войскам не дадут себя победить'⁸. Здесь *пять* — *немного* и одновременно *много*. При определенных условиях это гипербола, ведь *пять* противопоставляется количеству, в десятки раз большему (*бежен* — 'пятьдесят').

В монгольских языках символика числа *пять* является более широкой, и частотность употребления в пословицах гораздо выше, чем в тувинском. С пятью пальцами рук связана семантика монгольских пословиц: *Арван хурууныхаа арыг барж, таван хурууныхаа тарыг барж* 'Стирать тыльную сторону десяти пальцев, стирать пухлость пяти пальцев', т. е. 'трудиться, не покладая рук', и *Арван хурууныхаа арыг барж, таван хурууныхаа тарыг барж амь зуух* 'Жить, стирая тыльную сторону десяти пальцев, жить, стирая пухлость пяти пальцев', т. е. 'жить своим трудом, зарабатывать на жизнь своим горбом' (Кульганек, 2017: 100). Здесь 'стирание пухлости пяти пальцев' символизирует тяжкий труд.

¹ Бальбурава Б. Буряад арадай оньһон уран үгэ = Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ, 2020. С. 72.

² Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007. С. 395.

³ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 91.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007. С. 443.

⁶ Хыйга сös: сиспектер, сösпектер паза таптырғастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / сост., ред. У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное изд-во им. В. М. Торосова, 2021. С. 23.

⁷ Алтайские пословицы и поговорки = Алтай кеп ле укаа сösтөр / сост. Н. Р. Ойноткинова. Новосибирск, 2010. С. 66, 67.

⁸ Там же.

Пять в монгольских пословицах символизирует большое количество: *Олны олон, таван цэн* 'Если людей больше, то цена в пять раз вырастает', а также большой временной отрезок: *Архи арван нас хулгайлна, тамхи таван нас хулгайлна* 'Водка крадет десять лет, табак — пять' (Кульганек, 2017: 128, 101). Числа *арван* 'десять' и *таван* 'пять' рифмуются и создают в паремиях аллитерацию. Ср. бурятск. *Архи арбан хүүр үлүү хэлүүлхэ, тамхин табан хүүр үлүү хэлүүлхэ* 'От вина десять слов лишних, от табака пять слов лишних' (Тагарова, 2011: 114). Этим пословицам аналогична по семантике и образности калмыцкая пословица, также с аллитерацией: *Эрк арвн нас хулхалдг / Тэмк тавн нас хулхалдг*. 'Водка крадет у человека десять лет, / А табак — пять лет'¹.

Интересна своей образностью монгольская пословица: *Тааж мэддэг таван хаан биш, тамшааж мэддэг тарган бух биш* 'Не пять ханов, которые все разгадывают, не жирный бык, который все пробует языком' (Кульганек, 2017: 144). Эквивалентом этой паремии в русском языке является: *Я не господь Бог — все знать!*

Приведенная нами в начале работы фраза из книги М. Б. Кенин-Лопсана о том, что тувинского мальчика надо учить пяти знаниям, находит отражение в калмыцкой иронической паремии о том, кто не любит учиться, а любит поесть: *Тавн ном гихлэ — гедс, / Тавгта махн гихлэ — үкс* 'Скажешь про пять учений (наук), он пятится назад, / Скажешь о полной чаше мяса, он тут как тут'². В монгольском языке также существует понятие *таван ном* 'пять книг (учений)', которым обозначается конфуцианское пятикнижие³.

Таким образом, в тувинской фразеологии число *беш*, не являясь сакральным, все же играет определенную культурную роль, символизируя большое количество или длительные временные отрезки. Это число связано с древним образом пяти пальцев. В родственных тувинскому хакасскому и алтайскому языках нумератив *пять* также играет скромную, но необходимую роль во фразеологическом фонде этих языков Саяно-Алтая. Приведенные примеры показывают влияние монгольской лингвокультуры на тувинскую фразеологию, что объясняется веками общей истории и тюрко-монгольской языковой общностью.

Заключение

Анализ собранного материала в данной работе показал, что число *пять* в тувинской, хакасской, алтайской, монгольской, бурятской и калмыцкой лингвокультурах имеет сходство в символике, хотя в тюркских языках *пять* не принадлежит к ряду сильных магических чисел, поэтому частотность употребления и сила символики тюркских языков значительно уступает символике числа *пять* в монгольских языках. Обнаруживается, что в героическом эпосе тюркских народов Саяно-Алтая число *пять* встречается чрезвычайно редко или почти не встречается, но при этом используются числа, кратные *пяти* (пятьдесят, сто, сто пятьдесят и пр.).

В тувинском фольклоре и фразеологии *беш* символизирует большое количество, богатство, определяет временные отрезки, выступая в качестве гиперболы. Иногда число *пять* не имеет метафорического значения и просто обозначает конкретное количество. Число *пять* используется в сопоставлении с числом *шесть*, а также с магическими числами *семь* и *девять*, еще более усиливая масштабы символики последних. Тем не менее, по нашему мнению, не следует приуменьшать роль числа *беш* в числовом коде тувинской лингвокультуры. Эта роль связана с древнейшими тюркскими образами пяти пальцев, со значительным влиянием монгольской лингвокультуры, которая довольно широко использует символику числа *пять*, а также с влиянием буддийской религии, называемой тувинцами *сарыг шажын* 'желтой верой', где число *пять* также распространено и имеет свою символику.

Сходство символики тувинского *беш* обнаруживается с лингвокультурами монгольских народов, о чем говорят примеры идентичных пословиц в тувинском и калмыцком языках. Это свидетельствует

¹ Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: АПП «Джангар», 2007. С. 433.

² Там же. С. 463.

³ Большой академический монгольско-русский словарь = Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь: в 4-х т.: около 70 000 слов / Ин-т яз. и лит. Акад. наук Монголии, Ин-т языкознания РАН; [Е. Баярсайхан и др.]; под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001–2002 [Электронный ресурс] // Altaica.ru. URL: https://altaica.ru/LIBRARY/mong/bamrs_full.pdf (дата обращения: 11.06.2023).

о древности контактов тувинцев и калмыков, нашедших отражение в паремиях. Сходство с монгольской культурой объясняется длительным взаимодействием тувинцев, монголов и бурят на протяжении общей истории и, как следствие, взаимным лингвокультурным трансфером. Кроме того, свою роль играет и языковая общность тюркских и монгольских народов в рамках алтайской макросемьи языков.

Сходство некоторых аспектов символики числа *пять* в плане связи с анатомическим строением человеческих конечностей также можно объяснить общечеловеческим фактором, универсальностью использования соматизмов в разных языках.

Проведенный лингвокультурологический анализ фразеологизмов и пословиц позволил выявить универсальные, общетюркские и этноспецифические стороны фрагмента числового кода, связанного с нумеративом *пять*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абумова, О. Д. (2013) Числовая символика в русском и хакасском языках // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 2 (6). С. 3–6.

Бакаева, Э. П. (2009) Сакральные коды культуры калмыков. Элиста : ИКИАТ. 159 с.

Бочина, Т. Г. (2023) Пословица на века молвится : избранные труды по русской паремиологии. Казань : Изд-во Казанского ун-та. 286 с.

Бредис, М. А. (2023) Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 228–242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11, № 2. С. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11, № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022a) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022b) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2020) Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. № 60. С. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2021) Числовой код русинской лингвокультуры (на фразеологическом материале) // Когнитивные исследования языка. № 2 (45). С. 202–212.

Бурыкин, А. А. (2004) Числа в поэтике «Джангара» // Монголоведение. Вып. 3. С. 103–119.

Гармаева, А. Э. (2008) Числовая символика в монгольском языке: семантика и функции // Вестник Бурятского государственного университета. № 10. С. 105–110.

Гребнев, Л. В. (1960) Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М. : Изд-во восточной литературы. 148 с.

Жуковская, Н. Л. (2002) Кочевники Монголии : Культура. Традиции. Символика : учеб. пос. М. : Восточная литература. 247 с.

Иванов, Е. Е. (2022a) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // *Oriental Studies*. Т. 15, № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2022b) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов, Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. Т. 12, № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Кара-оол, Л. С. (2019) Числительные в топонимах Тувы // *Oriental Studies*. Т. 12, № 4. С. 691–706. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706>

Каратаева, С. К. (2020) Символика чисел в тюркских и монгольских языках // *Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева*. № 2. С. 91–97.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2021) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 248 с.

Ковшова, М. Л. (2012) Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 456 с.

Кульганек, И. В. (2017) Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий. СПб. : Петербургское Востоковедение. 184 с.

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Москвичева, С. А., Александрова, О. И., Эбзеева, Ю. Н. (2022) Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 164–182. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Ойноктинова, Н. Р. (2012) Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров / отв. ред. О. Н. Лагута. Новосибирск. 354 с.

Ойноктинова, Н. Р. (2021) Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, мотивы, сюжеты. Новосибирск : ИПЦ НГУ. 622 с.

Паремиология без границ (2020) : монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова и др. ; под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) : Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира / О. Б. Абакумова, А. С. Алешин, Т. Г. Бочина и др. ; под ред. О. В. Ломакиной. М. : URSS ; Ленанд. 304 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушевская, Ю. А. (2022a) Белорусские параллели вепсских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // *Вестник угроведения*. Т. 12, № 3 (50). С. 497–505. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Петрушевская, Ю. А. (2022b) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Петрушевская, Ю. А. (2023) Провербиальные универсалии в тувинском пословицном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Пюрбеев, Г. Ц. (2015) Эпос «Джангар»: культура и язык (Этнолингвистические этюды). Элиста : КИГИ РАН. 300 с. (На русс. и калм. яз.)

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (2001) : лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 822 с.

Субракова, О. В. (2005) Сакральные числа хакасского эпоса // Чатхан: история и современность : мат. II Международного симпозиума по чатханной музыке и горловому пению / науч. ред. Л. В. Анжиганова. Абакан : Хакасское книжное изд-во. 112 с. С. 100–104.

Тагарова, Т. Б. (2011) К лингвокультурологическому описанию бурятских фразеологических единиц с числительными // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. № 2 (37). С. 112–116.

Дата поступления: 11.06.2023 г.

Дата принятия: 01.09.2023 г.

REFERENCES

Abumova, O. D. (2013) Chislovaia simbolika v russkom i khakasskom iazykakh [Number symbolism in the Russian and Khakass languages]. *Sayan–Altai Scientific Review*, no. 2 (6), pp. 3–6. (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (2009) *Sakral'nye kody kul'tury kalmykov [Sacred codes of Kalmyk culture]*. Elista, Institute of Complex Research of Arid Areas. 159 p. (In Russ.).

Bochina, T. G. (2023) *Poslovitsa na veka molvitsia: izbrannye trudy po russkoi paremiologii [The proverb is said for the ages: Selected works on Russian paremiology]*. Kazan, Kazan University Publishing House. 286 p. (In Russ.).

Bredis, M. A. (2023) Simvolika chisla deviat' v tuvinskoj lingvokul'ture (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov) [Symbolism of the number nine in Tuvan linguoculture (as compared to some Turkic and Mongolian languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–242. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoj lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in modern linguistics: Approaches to study, text-forming and linguocultural potential]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologiya poslovits pribaltiisko-finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material)]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022a) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v polilingval'nykh slovariakh poslovits [Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs]. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022b) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremiology]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Chislovoi kod tuvinskoj lingvokul'tury v poslovitsakh (na fone riada tiurkskikh i mongol'skikh iazykov narodov Rossii) [Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2020) Rusinskaia frazeologiiia kak primer kul'turno-iazykovogo transfera v slavianskikh iazykakh (na materiale numerativnykh edinit) [Rusin phraseology as an example of cultural and linguistic transfer in Slavic languages (based on numerative units)]. *Rusin*, no. 60, pp. 198–212. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Mokienko, V. M. (2021) Chislvoi kod Rusenski lingvokul'tury (na frazeologicheskom materiale) [Numeric code of the Rusin linguaculture (based on figurative units)]. *Cognitive Studies of Language*, no. 2 (45), pp. 202–212. (In Russ.).

Burykin, A. A. (2004) Chisla v poetike «Dzhangara» [Numbers in the poetics of “Dzhangar”]. *Mongolian Studies*, issue 3, pp. 103–119. (In Russ.).

Garmaeva, A. E. (2008) Chislovaia simbolika v mongol'skom iazyke: semantika i funktsii [The symbolism of numbers in the Mongolian language: Semantics and functions]. *Bulletin of Buryat State University*, no. 10, pp. 105–110. (In Russ.).

Grebnev, L. V. (1960) *Tuvinskii geroicheskii epos (opyt istoriko-etnograficheskogo analiza)* [Tuvan heroic epos (experience of historical and ethnographic analysis)]. Moscow, Vostochnaia literatura. 148 p. (In Russ.).

Zhukovskaya, N. L. (2002) *Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Traditsii. Simvolika: [Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism]*. Moscow, Vostochnaia literatura. 247 p. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2022a) Absurdnye i paradoksal'nye poslovitsy v tuvinskom iazyke (ontologicheskii i logicheskii aspekty kategorizatsii poslovichnoi semantiki) [Absurd and paradoxical proverbs in Tuvan: Ontological and logical aspects of the categorization of proverbial semantics]. *Oriental Studies*, vol. 15. no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2022b) Semanticheskaiia tipologiiia tuvinskikh poslovits (empiricheskii i aksiologicheskii aspekty) [Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects)]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E. (2023) Lingvokul'turologicheskii kommentarii v tuvinsko-russko-angliiskom paremiologicheskom slo-vare [Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English paremiological dictionary]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Nominatsii zhivotnykh v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatiiia (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: Models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, J. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda (osnovnye poniatiiia i metodika vyiavleniia) [The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Kara-ool, L. S. (2019) Chislitel'nye v toponimakh Tuvy [Numerals in toponyms of Tuva]. *Oriental Studies*, vol. 12, no. 4, pp. 691–706. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-691-706>

Karataeva, S. K. (2020) Simvolika chisel v tiurkskikh i mongol'skikh iazykakh [Symbolic chips in Turkic and Mongolian languages]. *Bulletin of Kyrgyz State University named after I. Arbaev*, no. 2, pp. 91–97. (In Kyrgyz).

Kenin-Lopsan, M. B. (2021) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev* [Traditional culture of the Tuvans]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 248 p. (In Russ.).

Kovshova, M. L. (2012) *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: kody kul'tury* [Linguoculturological method in phraseology: Codes of culture]. Moscow, LIBROKOM Book House. 456 p. (In Russ.).

Kulganek, I. V. (2017) *Mongol'skie poslovitsy i pogovorki. Issledovanie, perevod, kommentarii* [Mongolian proverbs and sayings. Research, translation, commentary]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 184 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvinskaia paremiologiiia: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, no. 1. pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Moskvitcheva, S. A., Aleksandrova, O. I. and Ebzeeva, Yu. N. (2022) Fol'klornye kul'turemy i struktura kul'turnykh reprezentatsii tuvintsev [Folklore cultures in the structure of cultural representations of Tuvan people]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 164–182. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

Neliubova, N. Yu. (2022) Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinskoi, russkoi i frantsuzskoi etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Oinotkinova, N. R. (2012) *Altayskie poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov [Altai proverbs and sayings: Poetics and pragmatics of genres]*. Novosibirsk. 354 p. (In Russ.).

Oinotkinova, N. R. (2021) *Mifologicheskaiia kartina mira altaitsev: kontsepty, motivy, siuzhety [Mythological worldview of the Altaians: Concepts, motives, plots]*. Novosibirsk, Publishing and Printing Center at Novosibirsk State University. 622 p. (In Russ.).

Paremiologiya bez granits [Paremiology without borders] (2020) / E. N. Antonova, M. A. Bredis, T. E. Vladimirova et al.; ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologiya v diskurse [Paremiology in discourse] (2015) : General and applied issues of paremiology. The proverb in discourse and in text. The proverb and language picture of the world / O. B. Abakumova, A. S. Aleshin, T. G. Bochina et al.; ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS ; Lenand. 304 p. (In Russ.).

Paremiologiya na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, Yu. A. (2022a) Belorusskie paralleli vepsskikh poslovits: v poiskakh tipologicheskoi obshchego i etnospetsificheskogo [Belarusian parallels of vepsian proverbs: In search of typologically common and ethno-specific]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 12, no. 3 (50), pp. 497–505. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Petrushevskaya, J. A. (2022b) Tuvinskie i belorusskie poslovichnye paralleli (tipologicheskaiia obshchnost' na fone etnokul'turnoi spetsifichnosti) [Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Petrushevskaya, J. A. (2023) Proverbial'nye universalii v tuvinskom poslovichnom fonde (na fone sovremennykh evropeiskikh iazykov) [Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 259–279. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Pyurbeev, G. Ts. (2015) *Epos "Dzhangar": kul'tura i iazyk (Etnolingvisticheskie etiudy) [The epic "Dzhangar": Culture and language (ethnolinguistic studies)]*. Elista, Kalmyk Institute for Humanities Research of the RAS. (In Russ. and Kalmyk). 300 p.

Sravnitel'no-istoricheskaiia grammatika tyurkskikh iazykov [Comparative and historical grammar of Turkic languages] (2001) : Lexis. Ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 822 p. (In Russ.).

Subrakova, O. V. (2005) Sakral'nye chisla khakasskogo eposa [Sacred numbers of the Khakas epic]. In: *Chatkhan: istoriia i sovremennost' [Chatkhan: History and modernity]* : Proceedings of the 2nd International symposium on chatkhan music and throat singing. Ed. by L. V. Anzhiganova. Abakan, Khakas Book Publishing House. 112 p. Pp. 100–104. (In Russ.).

Tagarova, T. B. (2011) K lingvokul'turologicheskomu opisaniiu buriatskikh frazeologicheskikh edinit s chislitel'nymi [To language and culturological characteristics of Buryat phraseological units with numerals]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*, no. 2 (37), pp. 112–116. (In Russ.).

Submission date: 11.06.2023.

Acceptance date: 01.09.2023.